

О неудавшейся обратной ассимиляции, или почему нельзя верить литературным мифам

«Русский черкес» А.В. Дружинина как зеркало этнокультурных стереотипов

Анастасия Жбанова, бакалавр, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), amzhbanova@edu.hse.ru

Статья посвящена анализу повести А.В. Дружинина «Русский черкес» (1855) в рамках постколониальной оптики. Акцент в работе сделан на том, как ориентация на этнокультурные стереотипы способствует появлению запутанной идентичности. Матвей Кузьмич Махметов, главный герой повести, проходит процесс обратной ассимиляции: перестает интересоваться Западом и целенаправленно усваивает поведенческую модель жителей колонизированного Кавказа, почерпнутую из художественной литературы первой половины XIX в. Между тем герой становится жертвой собственной наивности – столкновение с реальным миром черкесов, совсем не похожим на литературный, заставляет Матвея Кузьмича вновь встроиться в западную культуру. Помимо проблемы гибридной идентичности, внимание в статье уделяется гендерному аспекту, тесно соотнесенному в повести с колониальной тематикой.

Ключевые слова: Русский черкес, А.В. Дружинин, Кавказ, постколониальная теория

Для цитирования: Жбанова А.М. О неудавшейся обратной ассимиляции, или почему нельзя верить литературным мифам: «Русский черкес» А.В. Дружинина как зеркало этнокультурных стереотипов // Метаморфозис. 2023. Т. 7. №3. С. 63-71.

С первой четверти XIX в. Российская империя ведет продолжительную Кавказскую войну, в результате которой черкесы частично ассимилируются, частично депортируются в Османскую империю. На фоне завоевания новых земель уже в начале XIX столетия появляются художественные произведения, отражающие имперские стереотипы о Кавказе. Это в свою очередь способствует появлению в писательской среде противоположного устремления – создать текст, в котором намеренная экзотизация народов Кавказа рассматривалась бы в ироничном ключе. Одно из произведений, наиболее ярко отражающих эту тенденцию, – повесть «Русский черкес» А.В. Дружинина, появившаяся незадолго до официального завершения русско-черкесского конфликта.

I

История «Русского черкеса» предположительно начинается в середине 50-х годов XIX в. В дневнике Дружинина находим запись 4 января 1854 г.: «За обедом Григорович рассказывал о своих соседях и о помещике, который вообразил себя черкесом (историю, накануне слышанную от брата)»¹. Фрагмент записей 8 августа 1855 г. свидетельствует об активной работе над текстом: «<...> тружусь над повестями “Любовь и вражда” и “Русский черкес”»². В том же 1855 г. – последнем году «мрачного семилетия» – повесть публикуется в №11 «Библиотеки для чтения». Невозможность открыто обсуждать злободневные проблемы и вместе с тем свойственное Дружинину стремление к анекдотичности позволили классифицировать повесть как юмористическую, с предопределенным «хэппи-эндом», при этом произведение оказалось для большинства современников автора непримечательным. Однако сегодня «Русский черкес» может успешно рассматриваться в рамках постколониальной оптики, так как в тексте развенчиваются определенные этнокультурные стереотипы, сформированные литературой о Кавказе первой половины XIX в. Процесс усвоения, а в дальнейшем – отвержения паттернов сконструированной черкесской идентичности показан на примере обратной ассимиляции (*reverse assimilation*), которой подвергается главный герой повести. Поскольку текст насыщен деталями, связанными с «кавказским» пластом, мы обратимся прежде всего к ключевой фигуре «русского черкеса», а также к образам Аслана Махметова и Вареньки.

Уже название повести, состоящее из двух этнонимов, указывает на гибридность (*hybridity*). Заглавного героя зовут Матвей Кузьмич Махметов, и благодаря своему интернациональному имени он потенциально принадлежит сразу к двум этнокультурным мирам, хотя ни генетически, ни по роду занятий с черкесами герой не связан. Б. Морган называет приведенное сочетание имени и фамилии ономастической невозможностью (*onomastic impossibility*)³. До появления однофамильца Аслана Махметова Матвей Кузьмич ведет типичный для дворянина Российской империи образ жизни. Его характеризуют уединенность и бессобытийность, отсылающие читателя к гончаровской Обломовке («дом Махметовых походил на безмолвное, сонное, очарованное царство»⁴). Жена управляет слабохарактерным мужем,

¹ Дружинин А.В. Дневник // Дружинин А.В. Повести. Дневник / Под ред. С.А. Рейсера. М.: Наука, 1986. С. 265.

² Там же. С. 345.

³ Morgan D.B. Topographic Transmissions and How to Talk About Them: The Case of the Southern Spa in Nineteenth-Century Russian Fiction // *Modern Languages Open*. 2014. P. 6.

⁴ Дружинин А.В. Русский черкес. Деревенский рассказ // Дружинин А.В. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 2. / Под ред. Н.В. Гербеля. СПб.: Типография императорской академии наук, 1865. С. 179. Здесь и далее текст цитируется в современной орфографии.

дочь может прожить «без отчаянной страсти»⁵, сам же Матвей Кузьмич читает газеты о политических делах Европы, увлекается земледелием⁶ и изучает труды агронома фон-Габенихтса, при этом Махметовка расположена рядом с Петербургом – самым европеизированным городом страны. Итак, в первой части повести Дружинин очерчивает круг основных компонентов типично-русской идентичности середины XIX в.; особенно важной оказывается *ориентация русского человека на Запад*.

Вторая часть повести открывается появлением Аслана Махметова, из-за которого западные образцы в сознании Матвея Кузьмича начинают заменяться восточными. Во время беседы гость надевает на себя «маску», созданную с опорой на мировосприятие «колонизатора». С. Лейтон акцентирует внимание на особенностях мимикрии (*mimicry*) жителей Кавказа: в базовом виде она сводится к усвоению языка империи, ее стиля жизни, ценностей, верований, искусства и литературы, при этом для жителей Кавказа главным становится именно перенимание литературной мифологии, ориентация на героев произведений эпохи романтизма, таких как Аммалат-бек и Казбич⁷. Аслан Махметов действительно не только мимикрирует за счет общения на русском языке⁸, но активно использует в своих целях распространенные этнокультурные стереотипы: приписывает себе статус офицера, неизменно заводит речь о «куначестве» и семейственности, сочиняет истории о борьбе с Шамилем. Кроме того, вспоминает известные кавказские топонимы (Эльбрус, Казбек) и акцентирует внимание на местном облачении и обмундировании; знает, что «сувенирная продукция» придется по вкусу «колонизатору». Едва ли недобросовестный торговец хорошо знаком с русской литературой: характеристики сконструированного Кавказа, по-видимому, ко времени написания повести уже укоренились в культуре: основные тексты о черкесах были написаны еще в период с 1820-х по начало 1840-х годов.

II

Однако для образованной семьи Махметовых опорой являются именно сведения, почерпнутые из художественной литературы. Хотя впервые

⁵ Дружинин А.В. Русский черкес. Деревенский рассказ // Дружинин А.В. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 2. / Под ред. Н.В. Гербея. СПб.: Типография императорской академии наук, 1865. С. 182.

⁶ Мотив возделывания земли чаще всего связывается именно с колонизаторской миссией, с более развитым уровнем культуры.

⁷ Layton S. Colonial Mimicry and Disenchantment in Alexander Druzhinin's "A Russian Circassian" and Other Stories // *The Russian Review*. 2001. No 1. P. 59.

⁸ Отметим, что при этом его речь характеризуется непоследовательностью, многочисленными повторами и однотипными конструкциями (особенно при описании подвигов Касима Махметова); к тому же, гость путает имя хозяина и называет его Максимом Кузьмичем. Все эти речевые особенности выдают в Аслане Махметове Другого (*Other*).

идентификация с кавказским гостем происходит уже в ходе беседы («*Мы люди восточные и нежиться не любим. Был бы сеник, ковер, подушка, и мы с Асланом уляжемся рядком, на славу!*»⁹), основное усвоение мифологии Кавказа происходит в ходе чтения. Об интертекстуальной плотности «Русского черкеса» можно судить уже по Таблице 1.

Таблица 1. Упомянутые в повести «Русский черкес» авторы и произведения, формирующие круг основных стереотипов о Кавказе

«Аммалат-бек» А.А. Бестужева-Марлинского + «весь Марлинский»
«Герой нашего времени», стихотворения М.Ю. Лермонтова
Многочисленные произведения подражателей Марлинского и Лермонтова
Книги и брошюры, о которых не знает ни один библиограф
Стихотворения мирзы Бекбулатова
«Досуги отставного юнкера в виду ревущего Терека»
Окровавленная речь злодейки Тамары
«Прекрасная магометанка, умирающая на гробе русского офицера»
Роман «Койхосро и Мара»
Поэма «Башлык и кинжал»
Поэма «Хаджи Шеретлук»
Поэма «Хаджи-Ибрагим»
Поэма «Хаджи-Искандер»
Романист Айбулатов
Турист Булатов
А.С. Грибоедов

Нетрудно заметить, что лишь часть текстов и авторов относится к классике русской литературы. «Прекрасная магометанка...» – отсылка к активно читаемому в середине XIX в. лубочному роману Николая Зряхова с похожим названием. Остальные же авторы и произведения сконструированы Дружининым с опорой на существующие стереотипы о Кавказе. Так или иначе с «воображаемым Востоком» знакомы все члены семьи Матвея Кузьмича: Варенька вспоминает об Аммалат-беке и Печорине, когда слышит о кавказском госте, а Мушкин тут же считывает мысли возлюбленной. Однако

⁹ Дружинин А.В. Русский черкес. Деревенский рассказ // Дружинин А.В. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 2. / Под ред. Н.В. Гербея. СПб.: Типография императорской академии наук, 1865. С. 188. Здесь и далее курсив наш.

полностью окружает себя мифами о черкесах лишь главный герой. Он подвергается обратной ассимиляции (III-VI части повести), которая сводится к формированию на основе литературных образцов разного качества оппозиций по типу *свой/чужой*. Как утверждает Х. Бхабха, стереотип является одной из основных дискурсивных стратегий, формой идентификации, которая четко фиксирует роль той или иной социальной группы и постоянно воспроизводится¹⁰. При этом стереотип – упрощение, заторможенная, замкнутая форма репрезентации (*arrested, fixated form of representation*)¹¹. Стереотипы, которые постоянно воспроизводит Матвей Кузьмич, основаны на противопоставлении условной «кавказскости» и условной «русскости». Примеры таких оппозиций можно увидеть в Таблице 2.

Таблица 2. Этнокультурные стереотипы, усвоенные Матвеем Кузьмичем

Характеристики черкесов	Характеристики русских
Вспыльчивость и воинственность («горячая кавказская кровь; преобладает закон мести)	Бесконфликтность («холодная северная кровь», «мужики-бабы»); преобладают рациональные аргументы
Жажда приключений; идеал – воображаемый Пятигорск (пространство гор, аулов и т.п.)	Домоседство; идеал – облагороженный Петербург (с садами, удобствами и т.п.)
Патриархальность («некогда бабиться с девчонками»)	Внутрисемейный матриархат
Разговорчивость, крикливость	Скромность, стремление к тишине

При таком делении, очевидно, первый (приобретенный «свой») элемент каждой из оппозиций непременно оказывается предпочтительным. Стремительное и при этом неожиданное для окружающих усвоение литературных моделей черкесского поведения образует запутанную идентичность (*confused identity*) по типу Благородного Дикаря, не вписывающуюся в окружающую действительность: Матвея Кузьмича считают если не больным, то чудачком; изменение его идентичности воспринимается как горе для всей семьи. Апогея стремление к восточному достигает в тот момент, когда Матвей Кузьмич решает отправиться в путешествие.

Поскольку верной спутницей героя становится Варенька, хотелось бы сделать отступление и заметить, что колониальная проблематика в «Русском черкесе» тесно переплетена с гендерным аспектом, и прежде всего представляет интерес именно образ дочери. А. Эткинд пишет, что в русской беллетристике отношения между народом и империей зачастую связаны

¹⁰ Bhabha H.K. *The Location of Culture*. NY: Routledge, 1994. P.94-95.

¹¹ Там же. С. 107.

с взаимодействием между противоположными полами¹², при этом в роли жертвы обычно выступает именно женщина. В пример исследователь приводит героинь «Демона» М.Ю. Лермонтова, «Накануне» И.С. Тургенева, «Грозы» А.Н. Островского, романов Ф.М. Достоевского. Кроме того, Эткинд полагает, что «Женщины в России сильнее мужчин <...>: внешняя колонизация прояснила их положение и сделала возможным героизм <...> Женщины угнетены извне, мужчины изнутри»¹³. И действительно: если Матвея Кузьмича одолевает *идея Востока*, то Варенька вынуждена отдать себя в жертву «колонизатору» физически – отказаться на время от замужества и отправиться на несколько месяцев в Пятигорск. Флегматичная Варенька, высокая, полная, голубоглазая блондинка, абсолютно не соответствует образу страстной Благородной Дикарки по типу героини «Кавказского пленника» или лермонтовской Бэлы, чего совершенно не замечает Матвей Кузьмич.

Повествователь постоянно делает акцент на подавленности Вареньки: она рыдает, бледнеет, испытывает мучения, при этом сам Матвей Кузьмич видит все иначе: «С ним приехала дочь Варенька, *чистая кавказская девушка, изнывавшая от тоски по своим родным горам, и теперь совершенно счастливая*»¹⁴. Можно с осторожностью предположить, что отношения Вареньки с отцом оттеняют более глобальную идею доминирования: «колонизатор» лучше колонизируемого знает, что для последнего благо. Хотя тема напрасного самопожертвования, по утверждению Б. Егорова, в целом характерна для Дружинина¹⁵, в «Русском черкесе» она усиливается за счет «восточного» контекста.

III

Когда Матвей Кузьмич приезжает в Пятигорск, его быстро настигает разочарование¹⁶: перед героем – итог выполненной цивилизаторской миссии. Империя не только аннексировала, но уже полностью осуществила внутреннюю колонизацию (по терминологии А. Эткинда) Кавказа: ассимилировало пространство и входящих в него Других, превратила Пятигорск в курорт, где процветают пьянство, азартные игры и торговля сувенирами.

¹² Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / Пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 354.

¹³ Там же. С. 369.

¹⁴ Дружинин А.В. Русский черкес. Деревенский рассказ // Дружинин А.В. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 2. / Под ред. Н.В. Гербея. СПб.: Типография императорской академии наук, 1865. С. 208.

¹⁵ Егоров Б.Ф. Проза А.В. Дружинина // Дружинин А.В. Повести. Дневник / Под ред. С.А. Рейсера. М.: Наука, 1986. С. 440.

¹⁶ На самом деле оно предвосхищается даже ранее: когда жена Матвея Кузьмича думает, что Пятигорск находится «за двумя морями», а в действительности оказывается гораздо более доступным.

Как пишет Лейтон, Дружинин описал вполне знакомое ему явление: в разгар сезона в первой половине 50-х русские туристы «захватывали» Пятигорск: снимали квартиры, толпились на рынке, совершали экскурсии в кабардинские деревни и разрушали тем самым местную первозданность (*wild frontier*), приводили ее в состояние «неприятно усмирённой колонии» (*disagreeably tame colony*)¹⁷, т.е. жители Кавказа не улавливали «просветительской» миссии империи и находили выгодные им, зачастую паразитические способы существования среди русских туристов.

Итак, литературные мифы о Востоке, ориентированные на чарующие воспоминания и острые переживания, оказываются несостоятельными. С точки зрения Э. Саида, «в письменном языке <...> есть лишь *ре-презентация*. А потому ценность, действенность, сила, кажущаяся достоверность письменного сообщения о Востоке лишь в небольшой степени зависит <...> от Востока как такового»¹⁸. Для Матвея Кузьмича разрыв между сконструированной и действительной реальностью, окончательно обнажившийся после раскрытия обмана Аслана Махметова (конец VI части повести), приводит к резкому возвращению прежней идентичности. Матвей Кузьмич вновь приобретает смиренный нрав («тихо вошел в свой дом», «прослезился», «на цыпочках отошел» и т.п.), снимает черкесский наряд и облачается в европейский костюм, а чуть позже становится «членом-корреспондентом какого-то нового агрономического общества»¹⁹. За счет такой стремительной переориентации с Востока на Запад повесть приобретает кольцевую композицию.

Заключение

Подведем краткий итог: в «Русском черкесе» сам «колонизатор», вдохновившись воображаемым образом Кавказа, становится жертвой – сталкивается с реальным черкесским миром, представители которого научились отлично мимикрировать в новой обстановке. Они не могут восприниматься в контексте повести ни как бесправные субалтерны (*subaltern*), ни как идеализированные Благородные Дикари. Всеми виной – этнокультурные стереотипы, сформированные предшествующей литературной традицией империи. Отметим, что отдельного исследования заслуживают второстепенные и эпизодические персонажи с пограничной идентичностью, такие как, например, Матвей Пашин и Измаил. Уместным был бы также анализ

¹⁷ Layton S. Colonial Mimicry and Disenchantment in Alexander Druzhinin's "A Russian Circassian" and Other Stories // *The Russian Review*. 2001. No 1. P. 65.

¹⁸ Саид Э. Ориентализм. Запажные концепции Востока. / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб: Русский Мир, 2006. С. 38.

¹⁹ Дружинин А.В. Русский черкес. Деревенский рассказ // Дружинин А.В. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 2. / Под ред. Н.В. Гербеля. СПб.: Типография императорской академии наук, 1865. С. 220.

нарративной структуры текста, так как повествователь в «Русском черкесе» необъективен: он сам становится транслятором этнокультурных стереотипов, одним из ярких примеров чего может служить постоянный акцент на хитрости и нечестности черкесов.

Литература

Дружинин А.В. Дневник // Повести. Дневник / Под ред. С.А. Рейсера. М.: Наука, 1986. С. 128-410.

Дружинин А.В. Русский черкес. Деревенский рассказ // Собрание сочинений: В 8 т. Т. 2. / Под ред. Н.В. Гербея. СПб.: Типография императорской академии наук, 1865. С. 178-221.

Егоров Б.Ф. Проза А.В. Дружинина // Дружинин А.В. Повести. Дневник / Под ред. С.А. Рейсера. М.: Наука, 1986. С. 429-459.

Рам Х. Кавказские пленники: культурные мифы и медиальные репрезентации в чеченском конфликте // НЛО. 1998. №34. С. 78-108.

Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Русский Миръ, 2006.

Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / Пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 354-381.

References

Bhabha H.K. *The Location of Culture*. New York: Routledge, 1994.

Druzhinin A.V. Dnevnik [Diary] in *Povesti. Dnevnik* [Stories. Diary], ed. by S.A. Reiser. Moscow: Nauka publ., 1986. P. 128-410 (in Russian).

Druzhinin A.V. Russkiy cherkes. Derevenskiy rasskaz [Russian Cherkasy. Village story] in *Sobranie sochineniy: V 8 t. T. 2* [Collected works: In 8 vols. Vol. 2.], ed. by N.V. Gerbel. Saint Petersburg: Tipografiya imperatorskoy akademii nauk publ., 1865. P. 178-221 (in Russian).

Egorov B.F. Proza A.V. Druzhinina [Prose of A.V. Druzhinin] in *Druzhinin A.V. Povesti. Dnevnik* [Stories. Diary], ed. by S.A. Reiser. Moscow: Nauka publ., 1986. P. 429-459 (in Russian).

Etkind A. *Vnutrennaya kolonizaciya. Imperskiy opyt Rossii* [Internal colonization. Imperial experience of Russia], transl. from Eng. by V. Makarov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2013. P. 354-381 (in Russian).

Layton S. Colonial Mimicry and Disenchantment in Alexander Druzhinin's "A Russian Circassian" and Other Stories. *The Russian Review*. 2001. No 1. P. 56-71.

Morgan D.B. Topographic Transmissions and How to Talk About Them: The Case of the Southern Spa in Nineteenth-Century Russian Fiction. *Modern Languages Open*. 2014. P. 1-15.

Ram H. Kavkazskie plenniki: kul'turnie mify i medial'nie reprezentacii

v chechenskom konflikte [Caucasian captives: cultural myths and medial representations in the Chechen conflict]. *NLO*. 1998. N. 34. P. 78-108 (in Russian).

Said E.V. *Orientalism. Zapadnie koncepcii Vostoka* [Orientalism. Western concepts of the East], transl. from Eng. by A.V. Govorunov. Saint Petersburg: Russkiy Mir publ., 2006 (in Russian).

On Unsuccessful Reverse Assimilation, or Why it is Better Not to Believe the Literary Myths

Alexander Druzhinin's "A Russian Circassian" as a Mirror of Ethnocultural Stereotypes

Anastasia Zhanova, bachelor, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow), amzhanova@edu.hse.ru

The article is devoted to the analysis of Alexander Druzhinin's "A Russian Circassian" (1855) within the scope of postcolonial optics. The emphasis is placed on ethnocultural stereotypes and their role in forming a confused identity. Matvey Kuzmich Makhmetov, the main character of the story, experiences the reverse assimilation: he ceases to be interested in the West and deliberately learns the behavioral model of the inhabitants of the colonized Caucasus, derived from the fiction writing of the first half of the XIX century. Meanwhile, the protagonist becomes a victim of his own naivety – a contact with the real world of Circassians, completely different from the literary depiction, forces him to re-integrate into Western culture. In addition to the problem of hybrid identity, attention is paid to the gender aspect, closely correlated with the colonial theme.

Keywords: A Russian Circassian, Alexander Druzhinin, Caucasus, postcolonial theory

For citation: Zhanova A.M. (2023) On Unsuccessful Reverse Assimilation, or Why it is Better Not to Believe the Literary Myths: Alexander Druzhinin's "A Russian Circassian" as a Mirror of Ethnocultural Stereotypes // *Metamorphosis*. Vol. 7. N. 3. P. 63-71.